

# ОСНОВЫ ЕГИПЕТСКОЙ РАННЕДИНАСТИЧЕСКОЙ ЭПИГРАФИКИ

(Подготовка текста и редакция А. С. Четверухина)

История застаёт иероглифическое письмо уже сложившимся, что можно заключить по публикации Гриффиса в издании: Petrie W. M. F. *The Royal Tombs of the First Dynasty*. Vol. I. London, 1900. Предшествующий период становления египетского письма недоступен палеографическому анализу за отсутствием соответствующих письменных памятников, и попытки восстановить его на основе общих соображений могут исходить только от лингвистов<sup>1</sup>. Более того, письмо, с которым имеет дело историческая египетская иероглифическая палеография, есть письмо только династического Египта. В нашем распоряжении нет почти никаких достоверных надписей додинастического периода египетской истории, то есть до времени решительного наступления верхнеегипетских фараонов на Дельту. Додинастические памятники — по мнению Эдуарда Мейера — вроде принадлежащих царю «Скорпиону», в счет не идут, поскольку эпиграфический элемент на них более чем ничтожный, а их датировка и историческая принадлежность еще не поддаются достаточно полному определению. Более существенными в палеографическом отношении могли бы быть многочисленные каменные цилиндры-печатки с короткими надписями, найденные в архаических могилах в Нага-эд-Дер'е в Верхнем Египте<sup>2</sup> и относимые авторитетными исследователями к временам, предшествовавшим Первой династии. К величайшему сожалению, датировка этой группы цилиндров доисторической эпохи зиждется на достаточно шатких основаниях. Надписи на печатках из Нага-эд-Дер действительно отличаются от вырезанных на печатках Абидоса как в отношении содержания текстов, так и в отношении группировки и выбора знаков, но эти отличия объясняются географической разобщенностью мест находок, да и самим предназначением печатей-цилиндров. В Абидосе они принадлежали царям и их служащим, а в Нага-эд-Дере — лицам, не связанным с царским хозяйством двора, в чем легко убедиться, бегло обзрев материал (Reisner C. *The Early Dynastic Cemeteries of Naga-ed-Der*. Vol. I. Leipzig, 1908). Любопытно, что птица с повернутой назад оленьей (?) головой характерна для цилиндров из Нага-эд-Дер. В этом иероглифе усматривается черта большой древности. Но встречается она и на одном из абидосских памятников явно додинастического времени. Содержание печатей, естественно, различно. Если исходить из топографии находок, то несомненно только то, что цилиндры типа нагаэддерских не могут быть моложе Первой династии. Древнейшими «датированными» памятниками иероглифической письменности оказались пока надписи верхнеегипетских царей-победителей Дельты Нармера и Аха (около 3200 г. до н. э. или даже несколько раньше) и их преемников — Джера и Джета. О взаимной близости памятников этих четырех фараонов писали К. Зете, Р. Вейль, а также Баллод в очерках по истории древнеегипетского искусства, в частности, на стр. 41–42. Нармер, по-видимому, предшествует трем остальным. В этих старейших египетских надписях иероглифическое письмо обладает уже всеми основными элементами, характерными для него именно как для особой системы письма.

Уже с момента появления первых египетских письменных памятников в его костяк, как и в позднейшие времена, входят знаки, непосредственно или символически изображающие существа, предметы и абстрактные понятия.

Например, рисунок быка — изображал слово «бык» и «рогатый скот» вообще, рисунок козы — обозначал «козу» и «мелкий рогатый скот». Рисунок человека со связанными позади руками — в палетке Нармера<sup>3</sup> означал «пленника», сокол, птица бога

<sup>1</sup> Ср.: Мещанинов И. И. К вопросу о стадиальности в письме и языке // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л., 1931. Т. VII. Вып. 5–6.

<sup>2</sup> См.: Reisner. *Naga-ed-Der*. I; Newberry P. E. *Scarabs*. London, 1906; Fraser C. *A Catalogue of the Scarabs Belonging to George Fraser*. London, 1900.

<sup>3</sup> См.: Quibell J. E. *Hierakonpolis*. Vol. I. London, 1900.

Хора , входил в состав теофорного имени Хора Аха<sup>4</sup>. Наряду с изобразительными знаками и, пожалуй, не реже них, применяются звуковые знаки, тоже восходившие к рисункам. Рисунок, переосмысляясь, превращался в звуковой знак по принципу нашего ребуса, смысл которого заключался в том, что рисунок начинал обозначать не понятие как таковое, а созвучные с ним комплексы согласных, вплоть до одного-единственного согласного или полугласного, т. е. сонанта. Механизм трансформации рисунка в фонетический знак посредством «ребусного переосмысления» далеко не всегда понятен, да и не может быть понят до конца, т. е. решительно в каждом конкретном случае, и решение такого ребуса было конкретным. Но, так или иначе, рисунок пальца — стал обозначать «10 000», а читаться *db<sup>c</sup>*; лист лотоса уже в палетке Нармера пишется как , означает «1000» и читается как *h(3)*; опахало из лисьих шкур — *ms.t* — изображается как , но превращается в двусогласный знак *ms* — в слове *ms.t*, «рождение»<sup>5</sup>. «Хлеб»  $\triangle$  звучал, видимо, как *t*, а затем его изображение превратилось в графему для фонемы *t* в имени , обозначавшем одного из спутников фараона Нармера. В составе слова «вода» *n(t)* «главным» или «опорным» ощущался звук *n*, который получил написание, соответствующее передаваемому им слову, т. е. . В надписях Ахи и Нармера это уже вполне самостоятельная фонетическая графема для *n* в составе слова *mn*<sup>6</sup>. Налицо также все основные способы комбинирования знаков, свойственные позднейшей иероглифической орфографии.

Наряду с написанием слов одним изобразительным знаком либо одним звуковым знаком, мы сразу же наталкиваемся на сочетания из нескольких знаков для передачи одного слова. Такие комбинации могут состоять уже из одних буквенных знаков, например, — *tt*, которым обозначался спутник царя Нармера<sup>7</sup>. Такие комбинации могут объединять в себе и два рода знаков, например,  , буквально *m + n* (что наблюдается уже в эпоху Нармера и Ахи<sup>8</sup>). Частые в позднейшей иероглифике комбинации с изображениями звуковых знаков для написания одного слова на памятниках Нармера и Ахи, к сожалению, не засвидетельствованы. Но зато они присутствуют в большом количестве в надписях на частных гробничных плитах времен одного из ближайших преемников Джера<sup>9</sup>. На этих плитах начертаны имена лиц придворного персонала, погребенных вокруг фараона. Эти начертания предпосланы очень схематическим рисункам, изображающим мужчину, женщину, карлика, воина и даже борзую собаку. «Письменные знаки» имеют здесь сравнительно меньший размер, чем соответствующие изображения — прообразы идеографических определителей. Нахождение на плитах одних только этих рисунков, исполненных схематически и тождественных у разноименных лиц, не имело бы смысла без попытки передать имена и титулы изображенных людей. Таким образом, мы вынуждены считать эти «рисунки» подлинными изобразительными знаками, раскрытыми при помощи предшествующих им звуковых знаков. Именно такой способ написания имен получил распространение в позднейшей иероглифике, где изображение — иероглиф — знак мужчины или женщины стоит после всех титулов к именам, представляя иногда весьма детальный знак — рисунок больших размеров, чем все остальные иероглифы, что можно наблюдать на материале публикации Garstang'a «Tombs of the Third Dynasty» на стеле Среднего Царства.

Необходимо особо подчеркнуть, что так называемые знаки-определители, ставящиеся на письме после фонетических знаков и намекающие изобразительным способом на смысл предшествующего звукового — или смешанного изобразительно-звукового — написания слов, например, знак сосуда после слова «пиво» или знак солнца после слова «день» и т. д., являются по своему происхождению не определителями, а определяемыми, то есть такими графемами или граммами, которые приобретали чтение и смысл именно

<sup>4</sup> См.: Petrie W. M. F. The Royal Tombs... I.

<sup>5</sup> Аха, см.: Petrie W. M. F. The Royal Tombs... I.

<sup>6</sup> См.: Petrie W. M. F. The Royal Tombs...

<sup>7</sup> См.: Quibell J. E. Hierakonpolis. I. Pl. 29.

<sup>8</sup> См.: Petrie W. M. F. The Royal Tombs...

<sup>9</sup> См. материал в издании: Petrie W. M. F. The Royal Tombs... Vol. I, III.

благодаря набору предшествующих знаков, в том числе звуковых<sup>10</sup>.

Трудность чтения и понимания архаических надписей или таковых Первой-Второй династий заключается не в системе архаического иероглифического письма, в основном совпадающей по своим принципам с более поздней иероглификой, а в архаической лексике, сверхкраткости надписей, в беспорядочности размещения знаков и, особенно, в относительной редкости комбинированных написаний слова с помощью — одновременно — как изобразительных, так и звуковых знаков<sup>11</sup>, столь облегчающих чтение иероглифических текстов последующих времен<sup>12</sup>. Вследствие этого большая часть текстов Первой и Второй династий (не считая, конечно, тех, которые содержали только царские имена и ничего больше) дешифрована пока что лишь частично или гипотетически. Во многих из них упомянутые трудности могли бы быть успешно преодолены, если бы сохранившиеся архаичные надписи были более пространными, но, к сожалению, все они отличаются досадной краткостью. Увы, такова черта всех архаичных надписей, независимо от того, кому они принадлежат.

Хронологическая отдаленность эпохи Первой-Второй династий и ограниченное применение камня в их кирпичных сооружениях обуславливали крайнюю скудость настенных надписей, образующих наш основной эпиграфический фонд в материале последующих исторических периодов. Кроме мелких пометок, нанесенных краской на стены погребений царских приближенных<sup>13</sup>, мы располагаем для времени, предшествующего Третьей династии, всего только одним каменным косяком последнего царя Второй династии по имени Хасехемуи из иераконпольского храма. Надпись на лицевой стороне содержит лишь титул и имя фараона<sup>14</sup>, тогда как на оборотной стороне была высечена сцена закладки сооружения с относительно пространными и многочисленными приписками<sup>15</sup>. К сожалению, обратная сторона настолько изглажена, что не имеет почти никакой ценности в палеографическом отношении. От времени первого царя Третьей династии Джесера уцелел только обломок дверной рамы из его пирамиды, дающий исключительно титулы и имя этого фараона<sup>16</sup>. Более многочисленны надписи на скалах Синайского полуострова. Относительно наиболее пространной является надпись с титулами и именем около фигуры военачальника, высеченной поблизости от тройного изображения царя Первой династии Семерхета, но современность фигуры чиновника и царских изображений представляется не вполне доказанной. При тройном изображении Семерхета написано только его царское имя, как и на Синайских рельефах царей Джесера-Нетерхета и Санехета начала Третьей династии<sup>17</sup>.

Несоизмеримо более обильный и ценный материал для палеографических изысканий дают каменные стелы, помещавшиеся в стоячем положении на могилах царей и их приближенных. Число царских стел Первой-Второй династий очень невелико<sup>18</sup>. Тем не менее, только они позволяют нам составить правильное представление о художественных и технических возможностях парадной иероглифики в архаический период. Стелы приближенных почти столь же лаконичны (титулы и имена, чаще же одно имя), но исполненные куда более грубо и небрежно, составляют, ввиду своей многочисленности<sup>19</sup>,

<sup>10</sup> Ср.: Gardiner A. H. *Egyptian Grammar being an Introduction to the Study of Hieroglyphs*. 2<sup>nd</sup> ed. London, 1926. P. 31, 52.

<sup>11</sup> Ср. работу Griffith'a в кн.: Petrie W. M. F. *The Royal Tombs...* I.

<sup>12</sup> Ср. статью Lauth'a в «*Zeitschrift für ägyptische Sprache*» и рассуждения W. Spiegelberg'a в «*Die Schrift und Sprache der alten Ägypter*» (Leipzig, 1907).

<sup>13</sup> См.: Petrie W. M. F. *The Royal Tombs...* II.

<sup>14</sup> См.: Quibell J. E. *Hierakonpolis*.

<sup>15</sup> См.: *Journal of Egyptian Archaeology*. Vol. XX. 1934. P. 1. XXIV.

<sup>16</sup> Berlin, Staatliche Museen: *Ägyptische Inschriften aus den königlichen Museen zu Berlin* (далее *Ägyptische Inschriften...*). Bd. I. Leipzig, 1907–1913. S. 1.

<sup>17</sup> Синайские рельефы см. в издании: Weill. *Sinai*, а также в его труде «*Monumente de la II et III dynastie*», где приводятся и рассуждения о дате изготовления фигуры военачальника.

<sup>18</sup> 5 См.: Bénédité C. *Mémoires de la Fondation Piot*. Paris, 1906. T. XII. P. 1–15 — Джет.

<sup>19</sup> См. издания: Amélineau E. *Les Nouvelles Fouilles d'Abydos*. Paris, 1896–1902; Petrie W. M. F. *The Royal Tombs...* I–III; *Ägyptische Inschriften...*

наш основной материал для суждения о монументальном характере эпохи.

Надписей на статуях от архаического периода дошло очень мало. Надпись, уцелевшая на подножии статуи царя Хасехема, сводится к цифре перебитых им врагов.

Специфический вид письменности Первой династии составляют надписи на пластинках из слоновой кости и черного дерева, сохранившихся как в целом виде, так и в обломках. Пластинки обычно снабжены круглыми отверстиями в верхнем углу и, кроме письмен, покрыты схематическими изображениями. Возможно, впрочем, что часть изображений представляют собой своеобразные письма.

На близость пластинок к летописным погодным записям раннединастических анналов указывалось в литературе. На многих пластинках второй половины Первой династии помещается справа — как и в летописных записях на Палермском Камне — большой иероглиф { «год», что дает возможность предположить, что содержание пластинок касается событий какого-то конкретного года, т. е. дает определенную характеристику и тем самым представляет собой способ древнейшей датировки. При этом речь идет обычно о пожертвованиях в храм предметов, к которым, по мнению Питри, эти пластинки и прикреплялись. Все вместе означало нечто вроде «год, когда имели место такие-то события».

Подобные пластинки наверняка прикреплялись к предметам и служили своеобразными этикетками, указывающими на время изготовления того или иного яства, питья, мази и т. д. По крайней мере, их надписи — насколько они поддаются дешифровке — имеют хронологический характер, а оформлялось все это так: год, когда имело место то-то и то-то. Если бы таких пластинок сохранилось бы множество, а надписи на них поддавались бы разгадке легче, то мы имели бы «в лице» этих этикеток «страницы» погодных анналов или летописей Первой династии, наподобие тех, что были переписаны полтысячелетия спустя на Палермский Камень.

К пластинкам теснейшим образом примыкают шиферная таблица и булава царя Нармера с изображениями и сопроводительными приписками.

По своему количеству значительную, хотя и малосодержательную группу письменных памятников составляют надписи, начертанные в эпоху Первой династии на сосудах из камня, алебастра, глины и слоновой кости. И здесь это, в основном, царские имена.

Многочисленные гончарные пометки на керамике Первой династии могут интересовать палеографа лишь в тех случаях, когда они имеют форму иероглифических знаков. Значительно больший интерес представляют курсивные надписи, выполненные чернилами на глиняных и каменных сосудах. Сохранились также мелкие надписи на других предметах обихода из слоновой кости: на ящике, крышке, жезле, игровой пластинке и т. д.

Самую важную группу текстов, как по большому количеству, так и по богатству знаков и разнообразию их начертаний составляют оттиски цилиндрических печатей царей и их служащих на глине, закупоривавшей горлышки помещенных в гробницы сосудов с припасами. Сами цилиндры из камня, редко из дерева, со сквозными отверстиями для шнура и кружными надписями, сохранились в меньшем количестве. Только религиозное значение могли иметь деревянные цилиндры с текстами, нанесенными чернилами.

Интересно, что уже для начала Первой династии засвидетельствованы украшения в форме иероглифов: браслет, отдельные звенья которого составляли чередующиеся золотые и бирюзовые пластинки в виде иероглифической группы бога Хора на ограде замка со вписанным в нее именем фараона Джера.

Текстов на папирусах от архаического периода не сохранилось, но то, что папирус, и притом в форме свитка, был распространенным писчим материалом, предположительно, по крайней мере, при Второй династии, доказывает сам факт существования уже в эту пору иероглифа, изображающего запечатанный папирус (едва ли кожу или ткань) на цилиндре одного из фараонов.

Много разнообразней, чем материал письменных памятников, была техника нанесения надписей, так что на различных предметах одного и того же облика или материала

тексты могли быть выполнены совершенно различными способами. Не исключено, что это было обусловлено, в первую очередь, назначением памятника: был ли то парадный предмет роскоши, либо предмет «повседневного» обихода. Менее богаты были сорта материала.

Основным приемом вырезывания надписей в раннединастическую эпоху было врезывание знаков при помощи углубленных линий по контуру и внутренним деталям. Иной техники письма и трудно было бы ожидать на большинстве известных для нас письменных памятников. На цилиндрических печатях углубление знаков диктовалось необходимостью получения на глине четкого рельефного оттиска. Та же техника использовалась не только на цилиндрических печатях, но была перенесена и на деревянные и костяные пластинки-ярлыки и даже употреблялась при изготовлении надписей на вполне заурядных каменных и глиняных сосудах. Вообще же, техника вырезывания или выцарапывания надписей являлась наиболее простым приемом изготовления письма без помощи красящего вещества и, естественно, употреблялась в тех случаях, когда изготовители письма не рассчитывали на архитектурно-декоративный эффект. Подобные поделки должны были составлять в ту эпоху большинство письменных памятников, поскольку монументальное каменное зодчество — основной носитель парадных надписей — находилось тогда еще только в зачаточном состоянии. Характерно, что на монументальных памятниках врезывание по контуру встречается много реже, чем написание выпуклыми иероглифами.

Следует отметить также, что гончарные пометки на керамике наносились обычно до, реже — после обжига.

Нанесение надписей путем срезания плоскостей вокруг знаков, которые тем самым становились выпуклыми, превращало иероглифы в самостоятельный скульптурный орнамент и применялось, в первую очередь, там, где желали получить от надписи архитектурно-декоративный эффект, хотя бы ценой больших затрат труда и времени (срезать поверхность, окружающую знаки, было, конечно, гораздо сложнее, чем врезать их в плоскость поверхности). Выпуклые иероглифы мы обнаруживаем на каменном косячке царя Хасехемуи Второй династии из иераконпольского храма, на пышных надгробных плитах царей Первой династии Джета и Ка, а также царя Второй династии Перибсена, равно как и на большинстве надгробных же стел приближенных царей Первой династии.

Наоборот, на небольших поделках выпуклые иероглифы встречаются редко. Появление их на шиферной табличке и булаве Нармера обусловлено рельефным исполнением военных и праздничных сцен, которыми разукрашены эти парадные памятники. К слову сказать, рельефное исполнение фигуры пленного на игральной (?) пластинке из слоновой кости обусловило выпуклость и иероглифической приписки ««азиат» к этой фигуре. Только выпуклые подписи попадаются на сосудах из алебаstra и камня.

Сложность изготовления рельефных надписей натолкнула резчиков абидосских стел, предназначенных для приближенных фараона, на третий прием вырезания текстов на камне. Речь идет о срезании поверхности плиты только вокруг самих знаков, так что последние оказывались выпуклыми как бы во впадине.

Нередко, однако, мастера Первой династии не удовлетворялись одним лишь вырезанием знаков, а подчеркивали линии, как контурно, так и внутренне, краской. Так, углубленные контурные и внутренние линии иероглифов на зеленом сосуде фараона Ахи (Первой династии) были заполнены фиолетовым веществом до глазировки, а линии, врезанные по контуру иероглифов на пластинке фараона Дена (Первая династия) из слоновой кости, были окрашены в черный и красный цвета.

Краской пользовались, по крайней мере, иногда и для предварительной наметки текста на каменной стеле с тем, чтобы резчик потом вырезал или выбивал рельефом иероглифы, написанные краской. На стеле *s3b.f* (время фараона Джера, Первая династия) знаки были написаны сперва черной краской, а после того были сделаны выпуклыми путем выбивания поверхности вокруг них. На некоторых других стелах времен фараона Дена (Первая династия) контуры, внутренние линии, а в отдельных случаях и вся внутренняя площадь знаков, были предварительно нарисованы краской, а затем вырезаны рельефом

путем срезания окружающей краски и, соответственно, знаков с поверхности камня. Внутренние детали при этом иногда оставались только намеченными краской, резец их не касался. В одном случае стела так и осталась с одной надписью краской, без вырезания знаков. Впрочем, судя по стилю знаков, не исключено, что они и не предназначались для последующей рельефной отделки. Последнее, по крайней мере, бесспорно в отношении надписей на стенах погребений царских приближенных: их имена были написаны краской (отчасти черной) на штукатурке, и все.

Краской («чернилами») нанесены и беглые иероглифические пометки на каменных и глиняных сосудах Первой династии, прямо на их стенках, а в одном случае — на глиняной печати на горлышке сосуда. Ранние иератические тексты на сосудах Третьей династии написаны также чернилами.

Только краской исполнена надпись и на одном деревянном цилиндре, подражающем цилиндрам-печаткам по форме, но имеющем, очевидно, только религиозное значение.

Особый вид техники нанесения надписи представляют архаические печати Первой—Второй и начала Третьей династий на глиняных крышках горлышек сосудов с припасами. Печати изготовлялись путем катания по сырой глине, еще мягкой, цилиндрических печаток. Надписи на этих печатках были врезанными, так что отпечатки с них на сырой, мягкой глине неизбежно получались выпуклыми.

Что касается изготовления отдельных иероглифов, служивших украшениями, то в упомянутом выше браслете времени Джера золотые звенья в виде имени последнего были отлиты в формочках, бирюзовые же звенья были вырезаны.

Воздействие истории на иероглифическое письмо шло в течение всего архаического периода, прежде всего, через технику письма, что диктовалось как характером писчего материала, так и самим видом письменного памятника, который должен был отвечать своему общественному назначению. Дифференциация же техники письма вела к дифференциации графических форм.

Письменные памятники Первой и Второй династий со всей убедительностью показывают, что выпуклые иероглифы в то время, как и позднее, употреблялись в письме монументальных памятников и встречались на небольших изделиях лишь в виде исключения. Но поскольку вид письма в данном случае неизбежно как-то связан с техникой монументальных строений, то следует отметить, что сама монументальная архитектура в то время была еще кирпичной. Каменные стены появляются только с Третьей династии, причем даже в царских погребениях! О храмах того времени у нас почти нет сведений, если не считать каменных косячков царя Хасехемуи из Иераконполя, которые, тем не менее, ничего не говорят о характере кладки стен. Монументальные каменные надписи сводились, по-видимому, почти исключительно к гробничным стелам. Первые надписи по камню и новые категории памятников, возникшие в ходе развития общества, вызвали к жизни новые приемы и способы письма для нанесения надписей соответственно общественному назначению памятников.

Все вышесказанное уже априори заставляет нас предположить, причем с очень большой долей вероятности, что первооснову иероглифической графики составляли все же не выпуклые иероглифы, которые сами по себе являют следы вторичного развития техники их исполнения. Иероглифы в виде врезанного рельефа (*relief en steux*) и иероглифы, врезанные (целиком) углубленно (а также врезанные не только целиком, не только по линиям, но и по всей поверхности, точнее — по всей внутренности знака), не были еще употребительны в архаический период, так что уже с самого начала нам придется предположить, что древнейшим и основным видом иероглифов были врезанные, то есть выскобленные по линиям знаки. Эти априорные соображения находят свое подтверждение при рассмотрении конкретного материала.

Еще в самом начале изучения египетской архаической иероглифической письменности Гриффис заметил, что иероглифы  $i \beta$ ,  $ntr \Gamma$ ,  $p \square$  в древнейшей графике вместо полных форм написания обнаруживают неполные формы  $\overline{\Gamma}$ ,  $\overline{\Gamma}$ ,  $\boxplus$ . Сюда же он причислял и

неполное написание знака «двор», «угодя»  в виде , но последняя форма засвидетельствована пока что лишь один раз, а потому ее можно рассматривать и как случайный вариант. Гриффис высказал при этом предположение, что «неполнота» вышеотмеченных архаических форм не лишена, вероятно, некоторого основания в облике самих предметов, изображаемых данными знаками. Последнее допущение Гриффиса, как мы увидим в дальнейшем, является вполне основательным.

«Неполные» формы иероглифов оказались явлением много более распространенным, чем это представлялось в 1901 году Гриффису. Более того, «неполнота» — отнюдь не случайная особенность трех-четырех знаков, но черта постоянная и вполне закономерная, проявляемая у определенной группы знаков архаической иероглифики. Это именно те знаки, которые в своей архаической форме имеют несколько самостоятельных линейных отростков, отсутствующих в позднейшей монументальной иероглифике или связанных в позднейшей иероглифике непрерывной линией, проведенной через концы прежних отростков. Иными словами, в классической позднейшей иероглифике вышеуказанные «отростки» были «стиснуты» или объединены компактным нерасчленным контуром в некое единое целое, представление о чем может дать трансформация следующих знаков:  превратилось в позднее ,  — ,  — ,  — ,  — ,  — ,  — ,  — ,  — .

Простое рассмотрение последовательности форм показывает, что древнейшими формами являются отнюдь не «полные», а «неполные», то есть «расчленные», или формы с «обособленными отростками». Знаки ,  и подобные им знаки с растопыренными пальцами характерны для печатей и стел первой половины Первой династии. К концу ее они исчезнут. Выписанные же упрощенной либо нерасчленной формой знаки встречаются, впрочем, наряду с ними и раньше. Несколько устойчивее в иероглифике оказался знак руки , но ненадолго: ко времени Второй династии форма этого знака была упрощена. Какое-то время сосуществовали вышеуказанная полная форма и ее упрощения. Победила, в конце концов, компактная форма. Расчленный иероглиф сердца с отходящими от него кровеносными сосудами не пережил Первой династии, а компактная форма , изредка попадающаяся при Первой династии, одерживает решительную победу над ним при Второй династии. «Ушастая» сова  держалась много упорнее, и хотя отдельные случаи «безухой» совы засвидетельствованы, по крайней мере, для конца Второй династии, «ушастая» сова продолжала господствовать и при Третьей династии, уступив «безухой» только где-то в конце Третьей — в начале Четвертой династии. Несколько скорее, кажется, произошло сближение усиков пчелы, первоначально распростертых. К концу Второй династии эти усики были уже в значительной мере сращены, тогда как раньше постоянно растопыривались. Расчленная метелка камыша господствовала вплоть до Третьей династии, хотя отдельные случаи компактной формы попадают в монументальной иероглифике уже в первой половине Первой династии.

Холм с восходящим за ним лучезарным солнцем  с расщепленными лучами господствует в архаических текстах, хотя в конце Второй династии с ним конкурирует уже усеченная форма  и компактная форма . По крайней мере, с конца Третьей династии нерасчленное на лучи изображение  становится господствующим. Плетенка  пишется при Первой династии только несколькими линиями, перекрещивающимися под прямым углом. В конце Второй династии господствовала уже компактная форма, которая попадает на стелах еще в эпоху Первой династии. Не менее упорно, чем ушастая сова, держался и сакральный флажок  с двойным полотнищем или лентами. Такой знак употреблялся еще в конце Третьей династии в выпуклой монументальной иероглифике. Упрощение данного написания и доведение его до , с одним полотнищем вместо двух, изредка попадает еще при первых двух династиях. Начиная с Третьей династии, компактная форма, срастившая в себе ленты в один флажок, распространяется в выпуклой иероглифике. Наряду с железом  в виде вилки о двух концах, с древнейших времен используется компактная форма , но

раздвоенный жезл исчезает в выпуклой иероглифике, по крайней мере, при Третьей династии. Вышеприведенные хронологические наблюдения со всей определенностью показывают, что время распространения расчлененных форм предшествует времени торжества нерасчлененных форм, а все вместе говорит о том, что формы с «отростками» древнее компактных форм.

О большой древности свидетельствует и естественность расчлененных форм по сравнению с нерасчлененными. Оригиналы изображений взяты ведь из реальной жизни. Руку естественно представлять себе и, соответственно, изображать ее со свободно отстоящими друг от друга пальцами, чем с пальцами, нарочито плотными прижатыми друг к другу. Архаичный знак сердца с обрубками кровеносных сосудов похож на настоящий орган, чего никак нельзя сказать о компактной форме знака, напоминающей скорее вазу. Уши у совы как нельзя более уместны, а усики у настоящей пчелы, как известно, расходятся, а не «приклеены» один к другому. Архаическая метелка камыша действительно напоминает это растение, тогда как иероглиф в нерасчлененном виде смахивает скорее на нож. Вполне естественно, что «компактная» форма куда более абстрактна и менее реалистична, чем «форма с отростками». Иначе просто и быть не может. То, что компактный иероглиф  изображает холм с выглядывающими из-за него солнечными лучами, догадаться очень трудно. Архаическая форма только и дает нам понять, что же это такое в действительности. Компактная форма плетенки  может быть принята за какую-нибудь мебель, тогда как архаическое написание определенно указывает на плетенку .

Что же обусловило трансформацию первоначально расчлененных форм в нерасчлененные? Ответ на этот вопрос дают стелы начала Первой династии. В то время, как в линейной графике на мелких предметах расчлененная форма иероглифа  господствует вплоть до конца вышеуказанной династии, выпуклые надписи демонстрируют только компактную форму, то есть . В то время, как в линейной врезанной графике отдельные веточки в метелке камыша, ленты во флажке  и зубцы в жезле  далеко отстояли друг от друга, в выпуклой графике стел они соприкасаются, превратившись из линий, естественно разобщенных, в полосы, более или менее широкие. Иногда же веточки в метелке камыша склеиваются совершенно, причем даже на концах так, что возникает компактная иероглифическая форма.

Таким образом, к нерасчлененной форме приводит и ее порождает техника выпуклых надписей. Для нее четкое, а иной раз и всякое выделение «отростков» линейной графике представляет трудности и неудобства. Передать при скалывании поверхности множество выступающих со всех сторон зубчиков архаической плетенки было много труднее, чем обвести их все по общему контуру прямоугольника или квадрата одной-единственной чертой, как бы «модернизовав» само изображаемое изделие. От обозначения каждого отростка в виде рельефной полоски было вполне естественно перейти к сохранению пластической дифференциации только на их концах, при наличии границ между остальными частями при помощи простых врезанных линий. А отсюда был один только шаг до уничтожения пластической дифференциации и на концах отростков, с сохранением разграничения последних одними врезанными линиями внутри ставшего компактным знака в случае особо детального его исполнения. В конечном счете, плетенка с выступающими краями превратилась в правильный прямоугольник; растопыренные пальцы рук конвульсивно прижались друг к другу; сердечные перерезанные сосуды слились в «горлышко» и «ручки» «вазы»; уши совы очутились на лбу или ниже верхней линии головы, которая стала проходить не под, а над ними; усики пчелы склеились; веточки камышовой метелки, солнечные лучи, ленты сакрального флажка и вилки жезла срослись между собой, а края плетенки приняли очертания правильного прямоугольника. Контур знака благодаря резчику представил собою простую ровную линию вместо изломанной и зубчатой и трудами резчика, работавшего над нанесением выпуклой надписи, значительно упростился.

Уяснив упрощение вышеперечисленных знаков, следует обратить внимание на тот

факт, что на стелах начала Первой династии, вопреки технике того времени, изобилуют еще начертания ,  и  с растопыренными пальцами,  с четко пластически выделенными веточками,  с двумя полосками, а также сова с ушами и  с двумя зубцами.

Не менее достойно внимания употребление в монументальной графике  с двумя отростками, а также, отчасти, ушастой совы  еще до конца Третьей династии, что шло вразрез с тенденцией развития графики. Это лишний раз указывает на то, что «расчлененная» графика являлась древнейшим и основным видом иероглифического письма.

Видоизменения, постепенно накапливавшиеся в выпуклой графике монументальных памятников, не оставались без влияния на линейную графику. Уже к началу Второй династии реалистический иероглиф сердца  был окончательно заменен условным знаком  в линейной графике. В линейных надписях этой династии отсутствует также древняя форма плетенки , преобразившаяся отныне в линейный знак . Нередко формы выпуклой графики в той или иной мере примешиваются в надписях на небольших поделках к линейным начертаниям. Если  и  в линейных надписях на цилиндрах и печатях в течение всего архаического периода чередуются, то надписи ,  и  начинают появляться в них едва ли не к концу Второй династии, хотя появление их нельзя не назвать спорадическим. Развитие монументального выпуклого письма, приспособившего к себе линейные формы, в конечном счете, способствовало упрощению внутренней детализации знаков. Но видоизменение расчлененных форм в сторону их внутреннего упрощения оказало решающее влияние в развитии письма по принципу гораздо большей беглости: чем больше приходилось писать египтянам, тем больше увеличивался общественный спрос на быстрое, беглое письмо.

Последнее обстоятельство, надо думать, повлияло на возникновение формы   $h$  (знака плаценты?) из  и  (знака корзины без ручки) из  (знака плетеной корзины без ручки), из которых последний знак в своей полной форме употребляется в монументальных детализированных надписях вплоть до очень поздних времен. Таким же образом сократилось и число линий в плетенке:  стало  по превращении ее в компактный прямоугольник , хотя подсобная форма сохранилась в виде  в монументальной выпуклой графике. Даже иероглиф, изображающий лицо, подвергся упрощению: на одной печати он принял вместо формы  форму . Все приведенные упрощения (за исключением ) встречаются в линейной графике лишь со Второй династии, а знак  попадает уже при Первой. За исключением случайного (?) знака лица  все эти упрощения получили права гражданства и в выпуклой монументальной графике, хотя здесь, как было указано,  и  писались часто в своем реалистическом виде. Малопонятное же  удержало навсегда именно такое — упрощенное — начертание.

Еще большей степени беглости линейная графика достигла, естественно, при курсивной передаче чернилами. Однако дошедшие до нас образцы последней настолько немногочисленны для архаического периода, что судить о ее развитии за время первых династий представляется весьма затруднительным.

Третьим фактором, влиявшим решительным образом на развитие форм архаической графики, являлась организация знаков внутри строки. Развитие искусства в архаический период находило свое отражение и в постепенном и неуклонном увеличении стройности композиции иероглифических знаков. Беглого взгляда на надписи на цилиндрах "Первой и конца Второй династии достаточно, чтобы с полной уверенностью отметить громадный прогресс во внешней организации текста за истекшие одно-два столетия, несоизмеримо большую равномерность, организованность и пропорциональность графической картины.

В основе примерной организации иероглифического текста отчетливо проявляется настойчивое стремление располагать знаки таким образом, чтобы они образовывали своего рода квадраты. Текст был уже с самого начала как бы разбит на квадраты, предоставлявшиеся как для отдельных знаков, так и для целых групп знаков, например, , , либо на прямоугольники, вертикальные и/или горизонтальные, например, , , 

в вертикальном написании, либо ,  в горизонтальном. Этот принцип проводится уже в надписях Первой династии, во времена Нармера и Ахи. Взять хотя бы группу  или, например, написание имени царя Семерхета  и т. д.

Последовательное проведение этого принципа в целях большей упорядоченности текста, постулировавшееся естественным развитием монументальной письменности, должно было неизбежно привести к еще большему растяжению форм, и без того растянутых по горизонтали, но все же недостаточно по сравнению с другими горизонтальными формами. Одновременно должна была быть сглажена и громоздкость отдельных знаков, их излишняя толщина или ширина, давившая и искажавшая группировавшиеся с ними узкие иероглифы. Вследствие вышеуказанного процесса иероглиф шахматной доски , употреблявшийся обычно в сочетании со своим буквенным (фонетическим) дополнением , образуя группу , расширился по горизонтали и сузился сверху вниз, тем самым утратив свою первоначальную реалистическую форму. Аналогичное явление наблюдается и в отношении целого ряда других знаков, если сравнивать их написания в текстах Первой династии с таковыми в текстах Второй династии. Так, циновка с хлебом  превратилась в , веревка для спутывания ног скоту  стала изображаться как , брюхо животного с сосцами  стало выписываться вместе с длинным хвостом , а рука  вытянулась самым неестественным образом в . Сходная участь постигла и слишком громоздкие для «квадратных» написаний знаки. Так, цилиндр-печатка со шнурком  превратилась в , а шкура с хвостом  в . Сравните с эстетической точки зрения группы  и ,  и , где нет впечатления скученности знаков ввиду громоздкости одного из них, а во-вторых, этот графический недостаток устранен, и знаки расположены в квадрате довольно свободно. Все это явилось несомненным прогрессом графики, развивающейся в сторону равномерности и четкой формальной организации текста, хотя и за счет явного умаления реализма иероглифических рисунков: настоящие печати-цилиндры и шкуры похожи, конечно, больше на первоначальные, чем на позднейшие формы своих иероглифических изображений. Процесс выравнивания и приспособления графических форм достиг высоких результатов при Второй династии, при которой знаки приобрели большое изящество как по своим контурам, так и по отделке внутренних подробностей тех или иных знаков. Это время должно быть, действительно, временем огромного прогресса в развитии египетской письменности. Диктовалось все это, в частности, ростом спроса на монументальные надписи. Последнее обстоятельство, в свою очередь, было связано с ростом благосостояния верхов общества и, как следствие, с усложнением их жизни и идеологии, а это тоже, в свою очередь, заставляло мастеров совершенствовать свое дело, способствовало развитию выпуклой иероглифики и подталкивало к выработке и к закреплению форм знаков, отличных от изначальных линейных, поскольку фундаментальная выпуклая иероглифика удовлетворяла потребностям того времени, имея в виду царя и его ближайшее окружение. Линейная же графика сохранила, несмотря на отдельные моменты заимствования у выпуклой иероглифики, верность исходным начертаниям. До конца архаического периода расхождение между тем и другим видами графики не вылилось еще в окончательный распад египетского письма на две обособленные друг от друга графические системы, следующие каждая своим собственным принципам. Еще в конце Третьей династии расчлененные формы  и  были возможны в самых тщательных по исполнению выпуклых надписях. Окончательный раскол иероглифического письма произошел в самом конце Третьей династии или в начале Четвертой династии. Только с этого момента можно говорить не о линейной и выпуклой иероглифике, а о двух самостоятельных и принципиально отличных системах графики, сознательно сохраняемых в противопоставлении одна другой. Так как тот вид графики, который мы обычно именуем иероглификой, откристаллизовался окончательно только с обособлением от исходных начертаний, продолжавших жить в линейном письме, как мы увидим, совсем независимой от него жизнью, то представляется целесообразным сохранить термин «иероглиф» для знака письма архаического периода при строгом палеографическом

употреблении. С другой стороны, совершенно очевидно, что графическая система, выросшая из линейных начертаний архаического периода, представляет собой явление много более узкое, чем первоначальная иероглифика, воплотившая исходные, позднее сохраненные лишь в линейном письме начертания как в выпуклых, так и во врезанных по линиям формах. Эту недифференцированную стадию в развитии иероглифического письма можно в таком случае условно обозначить как протоиероглифику.

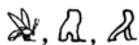
Подобно тому, как архаическое протоиероглифическое письмо таило в себе в зачаточной недифференцированной форме позднее иероглифическое и неиероглифическое письма, так и ориентировка иероглифических знаков архаического периода была чревата уже всеми теми возможностями, которые получили дальнейшее развитие в последующее время. Насколько я могу судить, основной текст в архаических надписях Первой и Второй династии обращали передними частями знаков неизменно вправо. Стало быть, архаическая надпись Первой-Второй династии читалась справа налево. В этом направлении писались тогда постоянно царские имена. Сопровождавший же их текст, являвшийся, естественно, второстепенной частью по отношению к царскому имени, писался передними частями влево, то есть лицом к царскому имени, иными словами, читался слева направо. Это изменение направления письма обусловлено в таких случаях, конечно же, пиететом перед царским именем, к носителю которого наш подданный, представленный в виде вельможи со всеми причитающимися ему титулами, должен быть почтительно обращен лицом, а не спиной. Такая двуединая комбинированная ориентировка направления письма встречалась при царских именах, обращенных вправо, причем не только в случае наличия чиновничьих титулов на цилиндрических печатях, но распространялась и на части любого текста, в том числе текста и описательного характера, и тем самым ориентация знаков в нем отличалась от таковой в царских именах собственно. Аналогичное изменение в направлении письма влияло, может быть, и на расположение фигур в сопроводительных надписях. В любом случае текст ориентировался в иную сторону, чем царское имя.

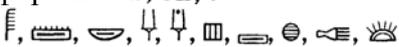
## ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ

### Полуиероглифы

Палермский Камень.

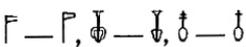
*Ректо:*

Иероглифические формы: 

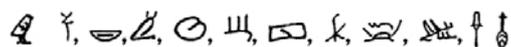
Линейные формы: 

*Версо:*



Отличие версо от ректо: 

### Происхождение иератики. Ее зависимость от полуиероглифики



### ОБЗОР ФОРМ

IV династия. Утверждение иероглифов. Формы иероглифов IV династии:

 вместо        вместо        вместо   
 вместо        вместо   
 вместо        вместо 

Равномерность форм: 